

Университетская ЖИЗНЬ

ОРГАН ПАРТКОМА,
РЕКТОРАТА,
ПРОФКОМА, МЕСТКОМА
И КОМИТЕТА ВЛКСМ
КРАСНОЯРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Газета основана в 1972 году.

Понедельник, 23 мая 1983 года № 18 (326)

Цена 1 коп.

РОМАН СОЛНЦЕВ

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ ПЛАНЕТЫ

Начинался на море шторм, мы покидали Японию, по бетонному молу бегали, отворачиваясь от ветра, наши переводчики, между берегом и теплоходом, натягиваясь, лопались красные и синие ленточки — так прощаются в Японии — позади остались радостные и трудные двадцать пять дней, встречи со студентами, посещение завода «Хонда», скорбные минуты возле памятника жертвам Хиросимы... Кстати сказать, были и неприятные инциденты, когда антисоветски настроенные молодые люди кричали в рупоры свои хриплые лозунги... Так вот, по мере того, как рвались последние разноцветные ленточки, и между теплоходом и берегом бешеным клином входила стихия, один из переводчиков, тоненький славный паренек закричал:

— До свидания!.. Я — русский!..
Он от волнения забыл русский язык, он, наверное, хотел сказать, что настолько полюбил наших ребят и девушек, что ему больно расставаться, что он чувствует себя русским...

Язык — богатство души. Но как хвалиться богатством! Язык — оружие. Но надо ли хвастаться оружием! Язык — память. Но стоит ли бахвалиться памятью! Но не знать, не понимать, насколько наш язык ярок, силен, глубок — значит, быть самому глухим, слепым, мелким. Мастера западной культуры специально учились русскому языку, чтобы читать Льва Николаевича и Федора Михайловича. Вот я сейчас не называю фамилий, но, думаю, любому двоечнику понятно, о ком мы вспомнили. Все это тоже — русский язык. «Толстовка». «Достоевщина». «Пушкинская легкость». «Есенинская искренность». «Королевский характер». Великие наши люди остаются в языке. Но прежде — их творения входят в нашу жизнь. Нет необходимости, например, переводить ракету на другой язык — она летит в космос, и все ее видят... А стихи, романы! И уж если великий «леновец» И. Крылов изучил древнегреческий, чтобы читать Гомера, наверное, и в самом деле что-то теряется в переводе...

Как перевести жителю Гренландии, например, такие строки Ершова:

Против неба на земле
Жил старик в одном селе!..
Гренландцы сами живут против неба на земле, открытые всем стихиям. И оттенок ершовской иронии здесь обернется трагической простотой описания. Я даже вздрогнул, как один старый венгр, покраснев, натулившись, схватив одной своей рукой другую, буд-

В своей речевой практике каждый говорящий в большей или меньшей степени ориентируется на некий эталон, который лингвисты называют нормой. Языковая норма при прочих существенных признаках (стабильность, общераспространенность, обязательность) — явление динамическое. «Живой как жизнь», язык развивается, в языковой стихии возникают новые возможности, которые первоначально существуют вопреки нормативным регламентациям. «Острый конфликт нормы» приводит к тому, что права литературности получает новое, оставляя за пределами правильного старый способ выражения. То, что на определенном этапе эволюции языка было распространенным и обязательным, в соответствии с эстетическим идеалом эпохи, со временем может стать анахронизмом. Но при этом неизбежна такая ситуация, когда старое ЕЩЕ правильно, а новое УЖЕ правильно. Тогда критерий «правильно — неправильно» не может быть абсолютным, поскольку оба способа выражения (и старый, и новый) признаются равноценными и в определенной мере допустимы. Таким образом возникают сосуществующие в пределах нормы языковые варианты.

В речевой практике повседневно приходится сталкиваться с вариантами ударения (ударный гласный обозначен прописной буквой): он звонИт — он звонИт, они звонЯт — они звонЯт. Что нормативно, что правильно, а что за пределами нормы — разобраться в этом вопросе помогает история. Все дело в том, что в XIX веке глаголы типа белить, валить, грузить, варить, дружить, манить и т. д. в формах настоящего времени произносились с ударением на последнем слоге, а не так, как принято сейчас. Об этом свидетельствуют, например, «данные» поэзии 19-го века:

Печной горшок тебе дороже:
Ты пишу в нем себе варИшь. (А. С. Пушкин)

Вот ваши сестры — как хотят,
А ведь ворон ни жарят, ни варЯт. (И. А. Крылов)
Сидят наездники беспечно,
КурЯт турецкий свой табак. (М. Ю. Лермонтов)

то вправляя вывих, наконец сказал:

— То-стан совё... то разовёт... и быстро ножка-ножка бьет... — Я понял, что он имел в виду прекрасные строки Пушкина, посвященные балерине Истоминой: «То стан совет, то разовёт... и быстрой ножкой ножку бьет».

Хочется говорить по-русски! Хочется понимать! Это язык передового народа, язык Революции, язык огромного праздничного и трагического искусства.

3

Владимир Иванович Даль в своем великом толковом словаре пишет: «Коровий язык — лизун... Змеинный — жало, вилка... Песий — лопата... Кошачий — терка...» А уж про человеческий — сверкающая гора пословиц и поговорок! «Ешь пирог с грибами да держи язык за зубами». «Мал язык, да всем телом владеет». «Не ножа бойся, а языка!» «Не спеши языком, торопись делом».

Человек учится говорить всю жизнь. «Мама мыла окно». О, эта бессмертная мама, моющая окно! Сколько десятилетий она моет это окно. Может, и в позапрошлом веке мыла! Но вот фраза: «Мы — не рабы. Рабы — не мы», — явно из ближайшего времени. На наших глазах язык меняется, какие-то слова ветшают «как платье», уносятся ветром, зато появляются другие, новые — дерзкие, странные... Иностранцам трудно. Мы смеемся, слушая, как они пытаются объясниться на книжном языке... но я видел — точно так же англичане не понимают нас, и даже немцы — говорят они все-таки иначе, чем нас учили в школе. Но это все понятно. Живой язык — он как лес, надо войти в лес, чтобы понять его жизнь. Куда смешнее и позорней, когда мы, русские, советские люди, не понимаем друг друга. — когда тараторим на скудном сленге сегодняшнего дня. Я не против жаргона. В определенном месте, среди людей вашего круга, он может выразить вашу мысль коротко и хлестко. Но я — против приблизительности. Против бедности в мыслях. Страшно, когда душа спит. А губы что-то лепечут...

— Потрясно... пласт продашь! Чё! Ну.

Вот основные слова, которые звучат, например, среди академгородских мальчишек и девчонок вечером в лесу, возле катка. Но мы ошибемся, если решим, что все ребята здесь безвозвратно примитивны. Нет, они играют. В школе говорят несколько другим языком. Дома — совсем другим. С девушкой, которой хотят нравиться, — языком почти книжным, как те же иностранцы... Но душа у человека одна. И привычка пускает корни. И

(Окончание на 2-й стр.)

РУССКИЙ ЯЗЫК И ТЫ

(К ИТОГАМ
АНКЕТНОГО ОПРОСА)

Недавно студенты филологического отделения отвечали на вопросы анкеты. Второкурсники отвечали по-разному: кто-то писал пространно, другие выразились короче. Тем не менее анкета, которую можно назвать «опросом по специальности», вызвала интерес на курсе.

Некоторое разочарование принесли ответы на четвертый вопрос, по нашему мнению, самый важный: «Ваша профессия и русский язык». «Затрудняюсь ответить», «Мне ближе литература» и даже «Глупый вопрос». Возможно, вопрос этот требовал или развернутого «конспекта мыслей», или изложения всей профессиональной позиции отвечающего. А анкета подразумевает сравнительно краткие ответы. В этом отношении первые три вопроса оказались удачнее.

«Дома я стала языковым деспотом: читаю нотации, как правильно говорить» — ответ одной из студенток на первый вопрос о том, как влияет изучение курсов русского языка на речевую культуру филолога. Вообще этот вопрос вызвал широкий отклик: один из ответов был даже в стихах! Приятно видеть поэтический экспромт. Кстати, в этом анкетном листе все ответы были зарифмованы (остальные, правда, цитаты).

Вопросом с подвохом явился второй: «Как изменилось ваше отношение к языку под воздействием изучаемых курсов?» Наверное, «изучаемые курсы» неблагоприятно повлияли на одного из студентов, записавшего: «Русский язык усложнился до такой степени, что иногда одолевают сомнения: действительно ли родной русский язык мы изучаем?» А вот полярно противоположное: «Изменилось в лучшую сторону, поняла, что лингвистика — наука чрезвычайно интересная».

Вопрос под номером три, пожалуй, самый конкретный: «Какие курсы языкознания вы изучаете с большим интересом?» — расположил второкурсников к себе, и мы, прочтя все ответы, получили полный перечень лингвистических дисциплин, пройденных студентами за три семестра. Правда, предпочтение отдавалось морфологии и фонетике.

Разные ответы, разные мнения... Конечно, всего четыре вопроса не могли полностью раскрыть лингвистическую позицию второкурсника. Но главная мысль прозвучала во всех ответах: «Русскому языку нужно учиться».

А. ХОХЛОВ,
студент.

УЖЕ И ЕЩЕ

В разговорной речи второй половины 19-го века возникло новое употребление подобных глаголов — с ударением на корне. Словарь Я. Грота (1909 г.) признает нормативными оба варианта, но впоследствии накорневое ударение (новый вариант) четко закрепляется за определенными словами, вытеснив ударение на окончание (старый вариант). Литературная традиция «сдалась» под натиском нового, и для большинства двухсловных глаголов на «ить» ударение на окончании стало архаичным: дарИшь, вертИшь, грузИшь, курИшь и т. д.

Однако процесс переацентировки не охватил исключительно всех слов этой группы глаголов. В настоящее время формы глаголов МАНИТЬ, например, встречаются и с тем, и с другим ударением (манИт и мАнит), но их употребление стилистически дифференцировано: даль туманная манИт — мАнит руку.

Вне тенденции как будто остался широко распространенный в речи глагол ЗВОНИТЬ. Авторами многочисленных пособий по культуре речи употребление звонИшь, звонИт решительно отвергается. Но реальная речевая практика свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев молодые носители русского языка предпочитают новый акцентный вариант. Учитывая это и общее направление процесса, на современном этапе развития языка оба ударения можно принять как допустимые и признать перспективность нового варианта.

Другое интересное явление современной орфоэпической нормы представляет «конкуренция» производных вариантов ЧН/ШН в словах БУЛОЧНАЯ, СКУЧНЫЙ, МОЛОЧНЫЙ, БРУСНИЧНЫЙ, ДОСТАТОЧНЫЙ и производных от них. Вариант ЧН моложе, возникновение его относится к началу 19-го века и, наряду с нормативным тогда вариантом ШН, зафиксировано в рифмах А. С. Пушкина:

— Согласен, — говорит отец, —
Ступай благополучНО,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке сучНО.

В глуши, в деревне, все вам скуШНО.
А мы... ничем мы не блесим,
Хоть вам и рады простодуШНО.

В них все так бледно, равнодуШНО;
Они клеветают даже скуШНО.

И вот уже в современных нормативных справочниках произношение ШН характеризуется как архаичное, признается нормативным в большом кругу лексики «орфографическое» произношение — ЧН. Но в некоторых словах (КОНЕЧНО, СКУЧНО, НАРОЧНО, ЯИЧНИЦА, СКВОРЕЧНИК, ПРАЧЕЧНАЯ и т. д.) предпочтительным остается производный вариант ШН. Однако и здесь речевая практика «в конфликте» с нормативными предписаниями. По данным анкетного опроса, молодое поколение филологов в своем произношении отдает предпочтение «орфографическому» варианту. Поэтому в настоящее время нельзя категорично утверждать, что один из вариантов правильный, а другой нет, но с уверенностью можно предсказать «победу» нового варианта.

Совсем не всегда процесс языкового развития движется по схеме, когда вновь возникшее вытесняет старое и становится нормативным. В некоторых случаях оба варианта остаются и используются в разных стилях речи (манИт и мАнит) или для дифференциации значений слов: сердцеЧный препарат — сердцеШный друг; конечно (имеет конец) — конеШ-Но (разумеется).

Примеров можно приводить бесконечно много, но, как уже ясно, при такой сложной сущности нормы не всегда возможно дать однозначную оценку правильности языкового явления, не учитывая его истории и места в кругу родственных явлений.

Т. ГРИГОРЬЕВА,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы

Нервные пальцы смывают
Скрипка в самое сердце
Жжет — прожигает.
Дьяволу душу задешево
Пел-воспевал и играл
Такие не тают —
Такие горят, сгорают
От страсти, такие люди —
Дьявольской масти —
Фальши!
У них, у таких, хватают
В костре себя облить
Керосином, чтобы видели
дальше!

Любят только красивых.
Я останусь одна.
Не смогу пересилить —
Оборотится струна.
Не смогу пересилить
Нелюбимого вид.
Я себя спалю, или
Он со мною сгорит.
Не смогу, не сумею!
Двум зачем погибать?
Я боюсь, я не смею
С собой совладать,
Я себя опасуюсь —
Задохнусь на бегу,
Я к другому срываюсь —
Я одна не смогу,
Я по краю, по краю,
Каждый день, каждый час!
Я не думаю, знаю —
Все вокруг против нас!
Душу некому вылить.
Ты — легенда. Ты — миф.
Любят только красивых.
Ты, конечно, красив.

НАЧАЛО

БЕЛЯЕВА ЕЛЕНА ПРОСТАЯ ИСТИНА

Все люди от рождения
как хлеб, как соль,
как правда, как железо.
Как свежесть утреннего
роса омытые зеленые
Одни простыми остаются
навсегда —
так гений прост
в великих мыслях.
Другие, возжелав себя
хоронят простоту без
всякого труда.
И видя это, хочется
«Проснитесь! Человек
себя хоронит!»
Но зря взываешь к ним,
не в силах промолчать:
взглянул, они уходят —
ты не понят.
Простая истина,
что в возгласе твоём,
Для них лишь глупость,
как и все простое.
И лишь потом, с тоской
предсмертною вдвоем,
они поймут, что жизнь
была пустою.
Звоню тебе из интереса:
сказалась бывших чувств
живучесть.
Хочу себя тобой помучить.
Меж нами плотная завеса.
Но хоть звоню я ночью
темной,
перед тобою не унижусь!
Мой друг, мне ветер щеки
лижет
в железной будке
телефонной...

Сегодня я держу в руках первую подборку стихов моих молодых коллег — студентов университета, членов литературной студии. Ребята и девушки (в основном девушки) — все такие разные. Кому-то ближе социальная лирика, кому-то — интимная, а у кого-то явное пристрастие к притче, к сюжетному стихосложению...

Начали мы давно — прошлой осенью, весь учебный год встречались по вечерам, для разминки читали стихи классиков русской и мировой поэзии, а потом по кругу — свои стихи, обсуждали их, каждую строчку с начала до конца, переписывали дома и снова показывали друг другу... Сочиняли частушки, освоили рубайи... Фантазировали в разных стилях, разных формах... Начали давно, но только сегодня я говорю с радостью: «Мы — начинаем!» — потому что вот он — первый результат. Это лишь малая часть того, что есть. Будут еще публикации, проведем и свой вечер поэзии — наверное, осенью. А пока... как говорится — ни пуха, ни пера!

Роман СОЛНЦЕВ,
руководитель литературной студии, член Союза писателей СССР.

ТЕРЕХОВА ЛАРИСА

ПЕСНЯ О НОЧНОМ НОРИЛЬСКЕ

Ночь конем воронным летит среди звезд...
Засыпает мой город — в гости к сказкам идет.
Тихо сны норильчан летят к Полярной звезде,
Мирно дремлет мой проспект и улицы все.
Но сердце стучит, и я слышу во тьме
Биение сердца Норильска.
Мой город! Ты каждую ночь сниться мне.
Ты просто не можешь не сниться!
Над тундрой белой вьюга кружит, заметая все следы.
Только город мой стоит, сверкают огни.
В бескрайних просторах пустыни безлюдной
(и один на всей земле)
Город мой — жемчужина! Он сияет во тьме.
И сердце стучит, и я слышу во тьме
Биение сердца Норильска.
Мой город! Ты каждую ночь сниться мне.
Ты просто не можешь не сниться!

Рукой закрою я глаза
И утону во тьме,
Но что мне делать? —
И тогда
Приходишь ты ко мне.
Приходишь ты не человек —
Приходит призрак твой,
Протягивает руки мне
И говорит со мной.
И в мире, кажется,
нет зла:
Твоим словам я внемлю,
Но стоит мне открыться
Лечу с небес на землю.
И понимаю я тотчас,
Что это — ложь, виденье.
Решаю я: «Пора сейчас
Оставить это чувство
...К чему напрасно лить
слова?
Ведь нового уже не
скажешь...
Как эта истина стара,
Что сердцу не прикажешь!..

На филологическом отделении организована и успешно работает студенческая агитбригада. Ее выступления всегда отличаются злободневностью, актуальностью, многоплановой жизнью филологов находят в ней яркое отражение.

Фото студента С. ШУРЫГИНА.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ ПЛАНЕТЫ

[Окончание. Начало на 1-й стр.]

ко времени поступления в институт побеждает (из желания эпатировать окружающих, из желания казаться небрежным) жаргон. А это значит — примитивное понимание искусства. И вообще — жизни.

Когда я читал моим знакомым студентам стихи И. Северянина — не те лучшие стихи, которые у него есть, написанные во время немецкой оккупации в Прибалтике, а стихи ранние, еще осмеянные Маяковским, стихи, полные грандиозной пошлости и высокомерия, из книги «Поэзоконцерт. Король поэтов — Игорь Северянин»: Котик милый, деточка, встань скорей на цыпочки, Алогубы цветики жарко протяни! В грязной репутации хорошенко выпачкай Имя светозарное гения в тени... — когда я читал подобные этим строки, студенты слушали с озабоченно-серьезным видом. Потому что я им не сказал, что это будет смешно — они бы засмеялись. И возможно, вправду бы заметили нелепости стиля... Нет вкуса. Трудно ориентироваться.

А ведь пора. Студенчество — самое яркое, гениальное время расцвета для человека. Потом душа будет ОТДАВАТЬ. А что она отдаст, если нечего? Разве что приобрела маскировочные фразы, золотую пыльцу малого интеллигентского набора: «Мастер и Маргарита»... Алла Пугачева... Шопен... Маркес... Пастернак... Это вот и добавится к тому, что было вчера. Вот и получится: — Алка... ага, ну, потрясно... пласт... интеграл... Пастернак... «Джи-ви-си». — Больше ничего нет. Нет слов в великом и могучем русском языке. А значит, и сама душа усохла, как усыхает в зной река.

Итальянский язык — очень музыкален. Все оперы Моцарта исполняются на итальянском. Слушал я «Золотую флейту» на немецком — с хорошими голосами — все-таки это ужасно. Тяжело. Скрипуче. Так вот,

итальянцы говорят, что им наш язык весьма нравится. Своей стремительностью, красотой. И уж во всяком случае «Бориса Годунова» поют на нашем языке.

Англичане сетуют, особенно переводчики, что в русском языке слишком длинные слова, — например, глаголы на английском по времени звучания вдвое короче! Что на это сказать? Как выразился герой одной моей пьесы, мы живем на таких широких пространствах — попробуй докричаться короткими словами... Я хочу сказать — видимо, каждому народу свой язык кажется самым емким и желанным. Но если уж сам народ не будет знать свой язык, другой народ за него этот язык не изучит! Мне кажется, наши студенты должны понять: они ЕДИНСТВЕННЫЕ наследники языка, ибо за ними — завтрашний день. Не протранжирить бы. А то когда-нибудь через века на вопрос:

— Ду ю спик инглиш!.. —
наш парень ответит:
— Ага, пласт е!..

Я намеренно утрирую — это тоже входит в возможности нашего языка. Но, как говорится, сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

6

Владимир Иванович Даль пишет: «Язык колокола — било, клепало, железный пест, кистень, привешиваемый внутри под шлем колокола для звону».

Так уж получилось — на нас смотрит весь мир. Кто с надеждой, кто выжидая, кто с ненавистью... Первых больше — в миллионы раз. И это, конечно, радость для нас.

Каждая прекрасная книга русского писателя — Астафьева, Белова, Распутина, Трифонова, Гранина... — мгновенно переводится на многие языки. Становится фактом дня. Частью души.

Что Царь-колокол!! Язык наш гремит по всей планете! И повествует, и пророчит. Сохраним его в чистоте.

«В минуту жизни трудную..»
М. Ю. Лермонтов.

Почему бы не верить,
почему не молиться,
если хочется в веру
с головой погрузиться,
если в веру — спасенье
от земных напряжений,

от обид, от забот
от других наваждений?..
Почему б, не молясь,
не искать очищенья?
Почему б не просить и
мечты исполненья?
Если хочется счастья?
светлой веры, пойми же...
Вдруг да небо услышит,
или кто-то поближе.

САНГАДЖИЕВА НАТАША

Снег забросал и шоссе,
и дома.
Мир исчезает в белом
тумане.
Легкой поземкой, узором
окна
Праздник крадется, как
кошка к сметане.
Солнца не видно
за серостью туч —
Холодом веет оно
с небосклона.
Ветер декабрьский суров
и колюч,
Гонит людей по домам
непреклонно.
Мы же спешим из квартир
по делам
В мир, что завьюжен...
И транспорт загружен.
Только где взять бы хоть
лучик тепла.

Он в суете мне так дорог
и нужен.
Мир безбожен, мир
безбрежен.
Месяц светом землю залил.
Почему ты так небрежен —
Сам ушел, а грусть
оставил!..
В кругу друзей,
среди врагов
порой так много пошляков,
а мы их слушаем
почтительно,
совсем того не замечая...
и даже многое прощая,
что было так
непозволительно.
Зачем! — вы спросите.
Не знаю.

ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

16 марта у нас на факультете в рамках лингвистического кружка проходили первые виноградовские чтения, на которые были приглашены все желающие. Цель этих чтений — познакомиться с научной деятельностью выдающегося ученого.

Виктор Владимирович Виноградов — очень разносторонний лингвист, у которого работы чуть ли ни во всех областях языка. Всех лингвистов условно можно разделить на два типа: тех, кто систематизирует, и тех, кто описывает отдельные слова.

Виноградов был и тем, и другим. Мы же остановились только на одной из сторон его многогранной деятельности — на исследовании биографии отдельного слова.

Проследить путь появления слова в языке очень интересно, для этого ученый должен обладать большой эрудицией, знать несколько языков.

На занятии мы рассмотрели три слова, биографию которых высказал В. В. Виноградов: «вдохновитель», «голословный», и «роздых».

На первый взгляд кажется, что существительное «вдохновение» образовалось от глагола «вдох-».

ЛИНГВИСТЫ — ШКОЛЕ

Известно, как трудно овладеть навыками русского правописания и какие сложные в связи с этим стоят проблемы перед учителем-словесником. Лингвисты на протяжении длительного времени не оставляют поисков наиболее рациональных путей обучения русскому языку, и одним из итогов таких поисков явилась работа сотрудников Института русского языка АН СССР.

Книга «Русский язык. Экспериментальные материалы для средней школы» (редакция И. С. Ильинской и М. В. Панова) — одна из нужных попыток сделать шаг к сближению школьной практики с лингвистической теорией. В каждом разделе книги (фонетика, словообразование, морфология, лексика, синтаксис) даются основополагающие лингвистические понятия, на базе которых строится изучение материала.

Авторы книги считают, что знакомство с основами лингвистической науки не только развивает интерес к языку, но является необходимой предпосылкой для приобретения устойчивых орфографических, пунктуационных и прочих навыков владения родной речью.

За редактора Н. А. РАТКЕВИЧ.